

АНКУДИНОВСКИЙ ЛЕС

Здесь ни горя, ни тьмы, ни страданья —
Благодатный зеленый навес.
Небольшой островок мирозданья —
Дорогой Анкудиновский лес.

Узнаю эти кровные знаки —
Лопухи в человеческий рост,
Все тропинки, кусты, буераки,
На березе огромный нарост.

Эти тонкие нежные сетки
Долгожданных весенних ветвей...
Я люблю вас, зеленые ветки, —
Я ведь тоже зеленых кровей.

Я ведь тоже и битый, и тертый,
Травянистой державы оплот,
Я ведь тоже из вашей когорты,
Вверх растущий сквозь снег и сквозь лед.

Громыхнет федеральная трасса,
Просочится небес молоко.
Шмель гудит, как струна контрабаса.
И до темного смертного часа
Далеко еще так, далеко.

* * *

Вдоль деревни — штакетник понурый,
Кособокие избы подряд.
Анемичных березок фигуры,
Тополей криворуких парад.

Молодая краснеет рябинка,
От полениц сереют дворы.
Вглубь оврага сбегает тропинка —
Там шальные свистят комары.

Там сплетаются дикие травы,
Деловые ползут муравьи
И трещат в бересклете корявом
Дорогие мои соловьи.

Не подумай, что это случайно!
Не ошибочно чувство мое.
Есть в оврагах какая-то тайна —
Разгадать невозможно ее.

Божьи люди, божжи, доходяги —
Кто не бродит по нашей стране!
Всех нас тянет в такие овраги —
Будто спрятано что-то на дне.

Будто в мокрой, холодной ложбине
Ты сокровища мира найдешь.
...Поскользнешься на розовой глине
И в болото лицом упадешь.

Обожжет малолетка-крапива,
Что в овраге дрожит сиротливо,
Вся в трухе да в болотной пыли.
...Отодвинешь траву боязливо —
Ничего, кроме мокрой земли!

* * *

Вновь качается синий цикорий,
И трепещет кривой тополек.
Знать, не зря разругались зори —
Будет ветренным летний денек.

Будут лучшие чувства в загоне.
Обнимая вселенский сквозняк,
На забытом людьми перегоне
Одинокий свистит товарняк.

И среди узаконенной скверны,
Попирая родной звукоряд,
С черной нефтью трясутся цистерны
И стальные колеса гремят.

В суматохе, в тоске бесконечной,
Сам не зная — зачем, для чего
Прогремит новоявленный встречный,
Мимолетный такой, быстротечный...
Все, промчался... и нету его.

В середине апреля — зима.
 Снег дежурный, ворчливая вьюга.
 Видно, сбилась природа сама
 С ежегодного вечного круга.

Или, может, поверженный бес,
 Злой, обиженный, юркий, двуличный,
 Мстит архангелам так? А с небес
 Снег летит — крупяной, аскетичный.

Прочитает молитву свою
 Рыбаку, что попал в полынью,
 Распугает грачей на березе —
 Яко мних, воссомнившийся в Бозе.

Отражаются в двух зеркалах
 Вечный снег в полуночных стенах,
 Прокаженная снежная смута,
 В плотный кокон укутанный страх,
 Уходящая в вечность минута.

Это кровное братство, родство
 С гулким снегом — зачем, для чего?
 Это вроде ключа, оберега.
 ...Заскоружлой зимы торжество.
 Несладимое таинство снега.

Муравей по травинке ползет —
 Все мечтает до неба добраться.
 Неужели ему повезет?
 Он упрямый, он будет стараться.

Я ведь тоже старинных кровей,
 Я ведь тоже двужильный, упорный
 И упрямый, как тот муравей,
 И кривляке-судьбе не покорный.

И пускай меня сдунет во тьму
 Сиплый ветер, играющий в прятки,
 Я с собой свое небо возьму,
 Отраженное в утлой сетчатке.

Упаду в ледяную росу,
 В подорожник — рябой, аскетичный,
 И до смерти своей пронесу
 Ощущенье судьбы необычной.

Ощущенье такого родства
С этой яркой, цветущей планетой,
Что не скрыть своего торжества —
Даже там, за притихшею Летою.

* * *

В дорогом краю чертополоха,
Где светлеет хрупкая душа,
Вся-то жизнь, от выдоха до вдоха,
Словно в день творенья, хороша.

Вновь я с вами, старые коряги,
Мутная болотная вода,
Глинистые мокрые овраги,
Узкие тропинки в Никуда.

Нежные сосновые иголки,
Сдвоенные липкою смолой,
Мир еловый, лапчатый и колкий...
Я люблю вас, сумрачные елки,
Бересклет промокший и гнилой!

Что ты машешь веткою корявой,
Высохшая старая ветла?
Я к тебе пришел не ради славы,
Но от луговой своей державы
Заявить исконные права.

Объявить желаю благодарность
Консульству тропинок и ручьев,
Выразить немую солидарность
Государству рыжих муравьев.

И тебе, сановница-пшеница,
Золотом манящая вдали.
Мне ли вашей дружбой не гордиться?
...И ползет, ползет моя грибница
Сквозь подзол внимательной земли.

* * *

Весь июль — шум дождя по карнизу.
На погоду не стоит пенять.
Не постичь Божий замысел снизу,
Суть Творения нам не понять.

Что нам Азия? Что нам Европа?
Истончается солнечный свет.
Так и было во время Потопа —
Всем казалось, что выхода нет.

Всем казалось, что это навеки —
Громогласная эта вода,
Полноводные, шумные реки,
Затопившие все в человеке,
А не только дворцы, города.

И, ничтожные дети природы,
Не уйдем от всеобщей беды, —
Погружаясь в хрустальную воду,
Ощутим неземную свободу —
Ведь и вышли мы все из воды.

* * *

Листва кружевная на влажном ветру
Трепещет... Кому и зачем это нужно?
Подумаешь вкратце: «Я тоже умру,
Под ветром упрямым, таким безоружным.

Умру и забуду слепую листву,
Забуду на тухлой воде водомерку,
Болотную эту забуду траву,
Я стану *ничем*, и вставать на поверку
Мне незачем будет — ведь я *не живу*».

Неужто такой он — вселенский покой?
Бесчувствие, тлен, и не надо стремиться
Уже ни к чему... Он безмолвный такой,
И только безумные альфа-частицы
От гамма-частиц отлетают с тоской.

К чему же нелепые эти слова
И сдвоенных строчек тугие созвучья,
К чему ты тогда, кружевная листва,
К чему вы, сухие и острые сучья,
К чему это все, если смерть не права?

И все ж остаются азот, кислород,
И вы, единичные атомы серы.
Такой вот естественный круговорот.
...Безумный жасмин так вальяжно цветет,
Он белый, зеленый, и счастлив без меры.